

МОСКОВСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ журнал 12/2019

УДК:07.00.00 93/94

DOI 10.24411/2413-046X-2019-10216

ВЛАСТЬ И СТУДЕНЧЕСТВО В СССР В 1953 – 1964 ГОДАХ: «НОВЫЕ» ОЖИДАНИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

В.В. Игнатов, аспирант 3 курса Московского Городского Педагогического Университета, направления подготовки 46.06.01 «Исторические науки и археология», профиля подготовки «Отечественная история», Россия, г. Москва

Аннотация: Статья отражает основные векторы развития умонастроений студенческой среды периода “оттепели”. Европейский политико-культурный опыт, меняющаяся советская государственность, «оттепель» – все это стало факторами формирования студенческих представлений о политической, идеологической и культурной жизни советского государства после XX съезда КПСС.

Summary: The article reflects the main vectors of development of student media mentality period of the “thaw”. European political and cultural experience, changing Soviet state, “thaw” – all these factors was the formation of students’ ideas about the political, ideological and cultural life of the Soviet country after the XX Congress of the CPSU.

Ключевые слова: оттепель, XX съезд КПСС, умонастроения студенчества, протестные формы молодежной культуры, политика и

идеология СССР в 1953 – 1964 годах.

Key words: thaw, XX Congress of the CPSU, the mindset of students, protest forms of youth culture, politics and ideology of the USSR in 1953 – 1964 years.

В СССР, в период 1953 – 1964 годов влияние западной культуры, транслируемой посредством СМИ являлось для молодежи не только примером для подражания и идентификации себя как передовой общественной массы, отличной от «серой» советской общественности, но и стало благодатной почвой для создания самобытных и уникальных культурных течений, появление которых стало возможным только в период «оттепели», в условиях изменившегося общественного и исторического сознания наших граждан – барды, шестидесятники, стилисты и другие. Новые «ожидания» студенчества от партийного руководства и изменение идеологической обстановки после XX съезда КПСС достаточно остро обострили проблему диалога власти и студенчества. Для понимания этой проблемы, необходимо, прежде всего, обратиться к причинам, оказавшим влияние на либерализацию общественно-политической жизни СССР, особенно, в академической среде. Рассмотрим изменения, коснувшиеся системы высшего образования периода «оттепели».

Согласно мнению партийного руководства, в середине 1950-х гг. система народного образования страны нуждалась в качественных преобразованиях. Данную инициативу Н.С. Хрущев выдвинул уже на XX съезде КПСС, проходившем с 14 по 25 февраля 1956 г. В резолюции этого съезда были намечены некоторые направления будущей реформы[1], которая была осуществлена в 1958 г. под лозунгом «За тесную связь школы с жизнью». Задачи реформы состояли в решении трех основных проблем. Во-первых, сближение студентов с производственным процессом должно было сделать будущих специалистов более уверенными в своих возможностях по окончании вуза. Во-вторых, принятые меры в значительной степени облегчали поступление в высшие учебные заведения лиц рабоче-крестьянского происхождения. И, наконец, в-третьих, дорога в вузы была теперь непосредственно связана с

«общественно-полезным трудом», имеющим большие воспитательные функции.

Происходящие изменения социального состава обучающихся, общие особенности, связанные с поступлением абитуриентов в высшие учебные заведения, тесная связь учебной деятельности с работой на производстве и профессиональным самосовершенствованием обучающихся, а также другие факторы реформы образования 1958 года, безусловно возымели свое действие. Внешняя либерализация существующего мобилизационного типа развития политической системы в купе с разрядкой ситуации международной напряженности, проникновением идей свободы и демократических начал, зарубежной музыки, живописи и кинематографа, произвели определенный слом в общественном и историческом сознании молодых представителей академических кругов. Стало возможным обнародование и обсуждение табуированных тем, которые связаны как с текущим политическим курсом ЦК КПСС, так и с наследием минувшей эпохи И.В. Сталина, реальными особенностями и результатами осуществления программы «броска в коммунизм».

Но, при всем том, что приводило к смягчению существовавшего режима, в том числе в общественно – политической и культурной сфере, сам режим, а точнее его партийная и политико-идеологическая составляющая, строго охранялись, а дерзновения хоть как-то усомниться в его правильности и непогрешимости, значимости концепции общенародного государства, пресекались самым различным образом, хотя суровые меры по пресечению антипартийной и антигосударственной преступной деятельности применялись в значительно меньшей степени, чем в первые послевоенные годы.

Без внимания советского партийного и государственного руководства не оставалась также культурная и духовно – нравственная составляющая советского общества, притесняемая новыми, притягательными веяниями с Запада. Особенно четко эта

тенденция прослеживается после 1957 года, когда в Москве состоялся VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов. Так, уже к середине 1950-х гг. в вузовской среде, наряду с творческой самодеятельностью, отмечается появление конспиративных кружков подпольных студенческих групп, имеющих программные документы. Например, летом 1956 г. производились аресты молодежных групп: А. Фельдмана и Партошников в Киеве, А. Гидони, Р. Пименова и В. Трофимова в Ленинграде[2]. Через год в Москве арестовали группу Л. Краснопевцева, молодого историка из МГУ, а в Свердловске – группу студентов – журналистов Уральского госуниверситета: Г. Федосеева, К. Белокурова, А. Нечаева, Ю. Хлусова. По воспоминаниям академика Н. Н. Покровского, его в группу Льва Краснопевцева привело «желание разобраться в реальной истории отечества», вызванное разоблачением культа личности Сталина[3]. В документах отдела наук, школы и культуры ЦК КПСС по РСФСР от 19 декабря 1956 г. говорилось «о фактах нездоровых настроений среди студентов филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького». В них давался пример крайне развязного поведения студента-филолога, представившего на кафедру психологии Уральского госуниверситета лекцию на тему «Сон и сновидения», заканчивающуюся словами: «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза великий организатор массовых снов и сновидений»[4].

Что касается вопросов инакомыслия студентов в культурной сфере и особенностях его повседневной жизни, то видную роль в этом сыграло проникновение американской культуры и образа жизни. Самым первым общественным течением в рядах советских студентов стали стиляги. Начиная с небольшой литературной заметки в сатирическом журнале «Крокодил»[5], это течение получило широкое распространение, а также неоднозначную реакцию в лице советских граждан старшего поколения. Это была молодежь, которая стремилась своим внешним видом походить на иностранцев и противопоставляла принципам коллективности индивидуализм.

Имевшие своеобразный стиль одежды, манеру поведения, а также формы досуга и сленг стилиаги бросали вызов советской морали и нравственности того времени. Как правило, у мужчин, входивших в это течение, основными атрибутами одежды были зауженные брюки, массивная обувь на платформе и яркие рубашки, нелепо сочетавшиеся с разноцветными пиджаками. Пышная, высоко поднятая копна волос завершала этот образ. Девушек – стилиаг идентифицировать было куда проще – достаточно только надеть короткую юбку и яркую кофту, чтобы влиться в эту субкультуру. Постепенно их облик изменялся. Так, по мнению Светланы Рафиковой «облик стилиаг менялся: от карикатурно разодетых в широковато-мешковатую одежду невыносимых расцветок во второй половине 1940-х годов – через брюки-дудочки 1950-х годов – до элегантности «штатников» (одетых в фирменные американские вещи) и отказа от явного эпатажа в годы хрущевской «оттепели» [6]. Что касается досуга стилиаг – чаще всего он проходил в простых, неприметных помещениях, где они предавались танцам, общению и прослушиванию джазовых композиций. Излюбленными местами встречи стилиаг стали центральные улицы крупнейших городов, именовавшиеся «Бродвеем» и «Бродом». Московский стилиага Игорь Берукштис вспоминал: «Было хорошим тоном явиться вечером, когда уже начинались сумерки, на Бродвей и там, так сказать, совершить хил, то есть прогулку» [7].

Однако, борьба с ними велась ожесточенно: их высмеивали в различных публицистических изданиях, советские дружинники и милиция, заведя группы стилиаг, портили их пеструю одежду, а общественное порицание могло закончиться отчислением из университета, увольнением, даже лишением комсомольского билета.. Так, Э. Кроткий в стихотворении «Поганки» писал о стилиагах: «Иностранцы?! Иностранки?! Нет! От пяток до бровей это местные поганки, Доморощенный «Бродвей» [8]. Г. Ципурский отмечал, что «требуемая модель поведения внедрялась под страхом позора и общественного порицания» [9]. Но не только внешний вид молодого поколения настораживал советских руководителей в середине 1950-х – первой половине 1960-х гг.

Увлечение зарубежной джазовой музыкой вызывало не меньшее раздражение. Советские идеологические структуры запрещали выступать многим молодым джазовым коллективам, не пускали их на сцену, глушили западные радиостанции, вещавшие на территории СССР. Однако, эти запреты не помешали молодым людям, владельцам трофейных радиоприемников, продолжать «ловить» джазовые программы, передаваемые по Би-би-си и «Голосу Америки». Они переписывали их на старые магнитофоны и распространяли на рентгеновских пленках. Отсюда и происходит название «джаз на костях» или «музыка на ребрах». Попытка сдерживать новые веяния в области музыки, культуры и искусства «разжигали» еще больший интерес у молодежи. Два события периода «оттепели» – XX съезд КПСС (февраль 1956 года) и VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Москве в августе 1957 года, оказали глубокое раскрепощающее воздействие на советскую молодежь. Фестиваль должен был укрепить имидж страны, готовой пойти на культурный диалог с Западом, продемонстрировав открытость и демократичность нового политического курса.

Очевидно, что оттепель затронула не только политико-идеологический аспект жизни советской молодежи, но и тесно проникала в вопросы его духовно-нравственного и культурного развития и воспитания. Меры партийных функционеров по пресечению инакомыслия в рядах студентов хоть и давали определенные результаты, но остановить неудержимое, бурное проникновение свободы и иного, более привлекательного образа жизни и мысли из-за рубежа они были не в силах. Тем более, что вместо ожидаемого результата на обнародование реальных проступков и преступлений сталинской эпохи, секретный доклад Н.С. Хрущева привел практически к краху существующего режима и разочарованию в политике на построение коммунизма в ближайшие десятилетия. Реакцией на доклад стали письма, адресованные Н.С. Хрущеву от студентов и многочисленные выступления студенческих групп, представители которых уже осмеливались задавать «неудобные» вопросы партийно-государственным

работникам и профессорам.

Так, например, в воспоминаниях выпускницы филологического факультета 1961 г. Доры Измайловны Черашняя отмечено: «Это был период бурных дискуссий, всем хотелось спорить и быть услышанными. Обсуждали недавно увидевшие свет повести, затронувшие новые темы советской действительности: «Битва в пути» Г. Николаевой, «В трудном походе» Л. Кабо и, конечно, «Не хлебом единым» В. Дудинцева. Но самыми горячими были споры о поэзии. Они велись в аудиториях, в общежитии, с выступавшим в читальном зале университета Е. Евтушенко, выплескивались на листы факультетской газеты «Знания – в жизнь», занимавшей полкоридора, продолжались в кружке критики и рецензий». Ребятам, «затеявших рукописный журнал «В поисках», Владимира Конева, Юрия Пашенко, Виталия Клепикова», Д. И. Черашняя называет «цветом филологического факультета середины 1950-х годов»[10].

Еще один активный участник тех событий – студент Григорий Федосеев, отправляет Н.С. Хрущеву письмо с довольно смелыми заявлениями. В письме юный борец с режимом прямо называет основным врагом народа партийную бюрократию: «Вот видите, как неумолимо действуют законы диалектики, как все течет и изменяется; еще не так давно Коммунистическая партия, возглавляемая теперь Вами, стремилась уничтожить старый аппарат господствующих классов, а теперь представители этой партии, стоящие у власти, стали сами тупыми чиновниками, ведут за собой остальную массу партийных баранов и пользуются своей властью для того, чтобы обеспечивать уютное существование новому господствующему классу, под прикрытием лозунга: «Вперед, к коммунизму!», выжимать необходимые для этого средства, задерживать их естественное стремление к культурному развитию. <...> И вот, <...> уже возникло новое движение, которое в свою очередь, стремится смести олигархию этой партии, когда-то тоже ставящей себе подобную же задачу»[11]. Подобные настроения прослеживаются и у других участников «Федосеевской группы».

Протестные настроения среди студенчества МГУ им. Ломоносова свидетельствуют о том, что студент I курса филологического факультета Л. Крысин[12], в своем выступлении от 30 ноября 1956 г. на комсомольском собрании, не мог согласиться с высказываниями Хрущева и заявил: «Зачем разделять рабочих и студентов. Кто такие студенты? – дети рабочих. Разве то, что они критикуют, – не общее дело всего народа?»[13]. Являясь сыном рабочего-токаря, Крысин отметил, что «положение рабочих хуже нашего, в отношении свободы высказываний. Каждая попытка критики со стороны рабочего отзывается на его материальном положении (его переводят на малооплачиваемую работу, увольняют “по собственному желанию”). Таких и подобных им средств целая система. Рабочий имеет меньшую возможность рассуждать открыто – слишком мало у него для этого времени, да и не дадут ему особенно разглагольствовать. Студент знает больше в отношении политических вопросов и может открыто делать какие-то обобщения»[14]. Приведенные выше свидетельства протестной активности советской молодежи имеют под собой конкретные причины. Внешние причины выражались в некотором послаблении идеологических норм и цензуры того времени, что повлекло за собой высокий интерес к западной литературе, кинематографу, музыке и образу жизни. Внутренние причины отражали ситуацию в стране – неудовлетворенность материальным обеспечением и финансированием в период работы в совхозах и на производстве, а также отрицательное отношение к представителям советской номенклатуры. Отсутствие реальной альтернативы развития и острое желание перемен побуждало молодое поколение к протесту.

Славное десятилетие периода «оттепели» подвело определенную черту в вопросе взаимоотношений власти и студенчества. Внешняя либерализация существующего режима привела к появлению плюрализма мнений и представлений студентов о настоящих и грядущих задачах и целях КПСС, пролила свет на персоналии отдельных представителей партии. Проникновение зарубежной культуры и искусства спровоцировало многих молодых представителей академических кругов искать пути самовыражения

в том виде, который был отнюдь не безопасным, пресекался властями и вызывал общественное порицание. В отдельных событиях, таких как, например, VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, руководство страны демонстрировало готовность идти на культурный диалог с Западом, демонстрируя открытость и демократичность нового политического курса. Но в социальной сфере, в вопросах воспитания и развития советской молодежи, партийно-государственная элита оставалась консервативной. Идеологическая борьба в период «оттепели» имела очень нестабильный характер – она то ослабевала, то вновь набирала обороты. Вместе с тем, кратковременное послабление идеологической составляющей КПСС, позволило советской молодежи по-новому взглянуть на актуальные проблемы общественно-политического характера, студенты получили возможность выражать свое мнение в форме дискуссий, а также в протестной форме.

Список литературы и источников

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. / ред. Б.В. Нарышкин. – М., 1983–1986. – Т. 9. 1956–1960. – М., 1986.
2. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М. 1995. С. 215.
3. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.). Встреча участников в редакции журнала // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 126.
4. Студенческие брожения в СССР (конец 1956 г.) (архивные документы) // Вопросы истории. 1997, № 1. С. 20–21.
5. Беляев Д. Стиляга (Из серии «Типы, уходящие в прошлое») // Крокодил. 1949. № 7.
6. Рафикова С. «По проспекту, словно манекен...». Образ стиляги глазами сибирских обывателей // Родина. 2010. №

- 10.
7. Померанцев И. Стиляги // Урал. 1999. № 11.
 8. Кроткий Э. Поганки // Крокодил. 1960. № 2.
 9. Ципурский Г. «Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну против всех типов стиляг». Политика в отношении «вестернизированной» молодежи в Советском Союзе при Н. С. Хрущеве // Новейшая история России. 2013. № 3.
 10. Черашняя Д. И. Ясное деланье жизни // Уральский государственный университет в воспоминаниях. С. 230–231.
 11. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26262. Т. 3. Л.80.
 12. Максимова И. Моя подруга Наташа // Время, оставшееся с нами... М., С. 121.
 13. Кузовкин Г. В. Указ. соч., С. 99.
 14. ЦАОПИМ. Ф. 4. Оп. 113. Д. 41. Л. 108.
-

[1]

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): в 15 т. / ред. Б.В. Нарышкин. – М., 1983–1986. – Т. 9. 1956–1960. – М., 1986.

[2] Власть и

оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М. 1995. С. 215.

[3] «Дело»

молодых историков (1957–1958 гг.). Встреча участников в редакции журнала // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 126.

[4] Студенческие

брожения в СССР (конец 1956 г.) (архивные документы) // Вопросы истории. 1997., № 1. С. 20–21.

[5] Беляев Д.
Стиляга (Из серии «Типы, уходящие в прошлое») // Крокодил.
1949. № 7.

[6] Рафикова С.
«По проспекту, словно манекен...». Образ стилиста глазами
сибирских обывателей //
Родина. 2010. № 10.

[7] Померанцев И.
Стиляги // Урал. 1999. № 11.

[8] Кроткий Э.
Поганки // Крокодил. 1960. № 2.

[9] Ципурский Г.
«Комсомолу приходится объявить беспощадную и решительную войну
против всех
типов стилистов». Политика в отношении «вестернизированной»
молодежи в Советском
Союзе при Н. С. Хрущеве // Новейшая история России. 2013. № 3.

[10] Черашняя Д.
И. Ясное делание жизни // Уральский государственный университет
в воспоминаниях.
С. 230–231.

[11] ГААОСО. Ф. 1.
Оп. 2. Д. 26262. Т. 3. Л. 80.

[12] Позднее Л.
Крысин участвовал в издании «Хроники», в частности, освещал
события на Красной
площади в 1968 г. (См.: Максимова И. Моя подруга Наташа //
Время, оставшееся с
нами...

[13] Цит. по:
Кузовкин Г. В. Указ. соч. С. 99.

[14] ЦАОПИМ. Ф. 4.

Оп. 113. Д. 41. Л. 108.